

УДК 001.8:94+94(571.1)

ББК 63.01+63.3(253.3)

К осмыслению итогов реализации политико-правовых механизмов освоения Российским государством восточных окраин России в XVIII в. (на примере процессов в южных районах Западной Сибири и на Алтае в первой половине XVIII в.)*

Д.С. Бобров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Comprehension of the Results of the Political and Legal Development Mechanisms of the Eastern Outskirts by the Russian State in the 18th Century (on the Example of Processes in the Southern Regions of Western Siberia and in Altai in the First Half of the 18th Century)

D.S. Bobrov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Публикация отражает итоги исследования генезиса и реализации политико-правовых механизмов освоения Российским государством Алтая (верховий Оби и Иртыша — Верхнего Обь-Иртышья) в первой половине XVIII в. Автор рассматривает в качестве соответствующих инструментариев формирование пространственной модели региона, складывание законодательного поля и системы управления территорией. В качестве важнейшего фактора, детерминировавшего административную повестку освоения, выделяется «недоуправляемость» — недостаточность управленцев на душу населения для разумного и эффективного администрирования, а также ресурсно-кадровый дефицит. Раскрывается сопряженность механизмов государственной политики, вынужденная аккомодация элементов военно-политических способов воздействия. Закономерным следствием несоответствия управленческой доктрины административным реалиям определяется возникновение феноменов гибридизации и эпигенетичности. Прослеживается связь между ключевыми тенденциями, результатами государственной политики и административными трансформациями на юге Западной Сибири в середине — второй половине XVIII в.

The publication reflects the results of the research of the genesis and implementation of political and legal development mechanisms of Altai (the Upper Ob and Irtysh area) by the Russian state in the first half of the 18th century. The author considers formation of a spatial model of the region, the legislative domain and the managing system of the territory as relevant tools. The most important factor determining the administrative summon of development is “undermanagement” - insufficiency of managers per capita for reasonable and effective administration, along with resource and staff deficit. The article reveals the contingency of mechanisms of public state policy, the necessary accommodation of elements of the military and political methods of influence. The phenomenon of hybridization and epigeneticist is determined as a natural consequence of the inconsistencies of the administrative doctrine with managerial realities. In conclusion, there is a correlation between the key trends, the results of state policy and administrative transformations in the south of Western Siberia in the middle and in second half of the 18th century.

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках реализации проекта № 17-11-22006.

Ключевые слова: государственная политика, имперская государственность, освоение, окраина, пространственная модель, государственная граница, система управления, Алтай (Верхнее Обь-Иртышье).

DOI 10.14258/izvasu(2018)2-03

Современные геополитические вызовы заставляют широкую общественность, а следом за ней и специалистов в различных областях знаний искать и постоянно актуализировать дополнительные основания и факторы национально-территориальной консолидации Российского государства. В этом свете неослабевающий эвристический потенциал заключает в себе опыт освоения центральной властью многочисленных восточных регионов страны.

В советской историографии вопросы освоения Сибири рассматривались в существенно гипертрофированной плоскости: в созданной во многом искусственно дихотомии «вольнонародной» и правительственной колонизации приоритет по умолчанию отдавался первой, в то время как государство рассматривалось в качестве периферийного актора освоения [1, с. 109–138, 181–198].

Необходимость ревизии роли государственного центра в освоении восточных окраин стала очевидна еще в 90-е гг. XX в., однако первые существенные исследовательские изыскания относятся уже к первому десятилетию XXI в. В качестве фундаментальной довольно быстро утвердилась точка зрения о двух фундаментальных чертах инкорпорации Азиатской России в состав стратифицированного государственного поля: органичном консенсусе противоборства европейской части страны с Азией и интеграции азиатских народов в общий административно-политический и культурно-экономический порядок, возникавший на окраинах [2]. В рамках «новой имперской истории» освоение Сибири характеризуется как аккомодация оригинальной политико-административной реальности, связанная с постепенным тотальным подпаданием под контроль государства заселения порубежных зон [3, с. 13–51]. В обобщающей работе новосибирских исследователей социально-политическая история южных районов Западной Сибири в XVII — первой половине XVIII в. освещается в контексте «русско-джунгарской фронтальной зоны», возникшей как результат военно-стратегического проникновения России в регион, а на дипломатическом уровне — проведения имперской элитой политики равноудаленности от Джунгарского ханства и Цинской империи [4, с. 357–363]. Существенно дополняя эту мысль, коллектив уральских историков предлагает рассматривать присоединение и освоение Сибири в XVIII в. в контексте «фронтальной модернизации», где государству принадлежала роль не только

Key words: state policy, imperial statehood, development, outskirts, spatial model, state border, management system, Altai (the Upper Ob-Irtysh area).

инициатора, но и одного из активных проводников социально-правовых трансформаций за счет милитаризации, рационализации и унификации системы управления [5, с. 74–85]. Перечисленные работы отличаются важными аналитическими изысканиями, но не дают представления о динамике курса государственной политики при освоении той или иной локальной зоны, сибирской окраины.

В связи с этим целью текущей публикации является общетеоретический анализ результатов реализации административно-правовых инструментов государственной политики освоения окраинных территорий в период первоначального строительства имперской государственности. Апробационной площадкой и источниковой базой изысканий стало диссертационное исследование административных реалий Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в. [6].

Вызревание в России на протяжении XVIII в. качественно иной по своим характеристикам суверенности обусловило появление в административной повестке вопроса о наиболее эффективных способах пространственного укрупнения страны. Интенсификация освоенческих процессов в восточных районах государства потребовала выработки комплекса регулируемых рычагов воздействия власти на административные, социально-экономические и даже физико-географические параметры пространства. Такие каналы трансляции воли имперского центра как освоителя территории следует считать механизмами государственной политики.

Начало XVIII в. ознаменовалось стремлением государственных властей добиться амбициозной цели полного закрепления за Россией междуречья Оби и Иртыша, предгорий Алтая исключительно силовыми инструментами: военно-инженерной и фортификационной политикой. Они, по мнению имперской элиты, были способны стабилизировать военно-политическое положение района и обеспечить должный уровень крестьянского заселения, а также эксплуатации потенциала природных недр [7–9]. Несостоятельность ставки государства только на силовые способы давления стала очевидна практически сразу.

Освоенческие реалии обозначили усиление роли политических (политико-правовых) механизмов, в которых милитаристский компонент уступал место развитой институциональной иерархии и страти-

фицированному административному началу. Среди таких каналов воздействия на присоединенные территории стоит выделить формирование пространственной модели окраины, складывание законодательного поля и системы управления регионом.

Пространственная модель представляла собой набор восприятий и представлений управленческого аппарата различных уровней относительно физико-географических, геостратегических и административно-политических параметров области [6, с. 26–27]. Каналом формализации соответствующих идеологием становились картографические материалы, дипломатическая переписка и делопроизводственная документация. Окраинное местоположение Алтая обусловило особую значимость института государственной границы в пространственной модели региона. Три парадигмы ее восприятия (картографическая, официально-дипломатическая и локально-управленческая), генезис которых протекал почти параллельно в первой половине XVIII в., не являлись тождественными и тем более идентичными, а выступали в качестве взаимодополняющих. Если в официально-дипломатической парадигме акцент делался на достижении озер Зайсан и Телецкого, а также декларировании всего Верхнего Обь-Иртышья как российской территории, то в картографической — на создании условной наглядно-графической линии, отвечавшей военно-стратегическим задачам политики в регионе. Локально-управленческая парадигма, в свою очередь, детализировала эту идею на конкретной, локальной местности, очерчивала пределы реального административного контроля имперских структур управления (с учетом фактических обстоятельств) [10, с. 35–40]. Однако сопряженность парадигм восприятия границы не была идеальной. Трудности конвергенции прежде всего были связаны с невозможностью совмещения тех или иных доктрин и идеологием друг с другом (указание на принадлежность Зайсана к России не могло быть отражено на картах, так как это напрямую противоречило бы реальным пределам освоения; результаты экспедиции П.А. Мельникова по одностороннему установлению государственных рубежей лишь частично были интегрированы в административный дискурс и официальную доктрину).

Складывание законодательного поля и системы управления на первоначальных этапах имперского освоения выступало единым неразрывным процессом. Законодательство дифференцировало иерархические уровни системы администрирования, а также являлось средством формализации и ретрансляции управленческой доктрины. В свою очередь система управления, опираясь на соответствующие нормативно-правовые конструкции, представляла собой фактор стабилизации и упорядочивания освоенческого процесса в регионе [6, с. 27]. В Верхнем Обь-

Иртышье она демонстрировала свою адаптивность, способность к вариативному построению отдельных сегментов, созданию схожих, но не тождественных каналов управленческой коммуникации. Если в Верхнем Приобье был развернут во многом классический вариант линии «губернатор — воевода — приказчики острогов и слобод», обладавший при этом своими специфическими чертами, то в Верх-Иртышских крепостях из этой мезосистемы исключался медиальный уровень, в результате чего она приобретала гипертрофированный вид «губернатор — командиры гарнизонных канцелярий».

Функциональный статус приказчиков острогов и слобод, а также руководителей крепостей на Иртыше выстраивался вокруг первоочередной необходимости обеспечения безопасности локального района. Острый ресурсно-кадровый дефицит, который испытывали нижние ярусы административной вертикали Верхнего Обь-Иртышья, для приказчиков острогов и слобод детерминировал необходимость поиска наиболее рациональных путей реализации освоенческих установок и задач, сформулированных в имперской доктрине. Для штаб-офицеров Верх-Иртышских крепостей частичная деградация их функционального статуса, обуславливавшаяся невнятной нормативно-правовой базой обеспечения деятельности, а также практически полным отсутствием населения в локальной районе, не приводила к существенному снижению эффективности управленческого процесса [6, с. 204–205].

Детерминантой, определявшей административную повестку местных и локальных структур власти в Верхнем Обь-Иртышье, становилась такая обнажившаяся черта управленческой среды регионального и местного уровня как «недоуправляемость». Она заключалась в том, что, с одной стороны, центральная власть на окраинах не обладала достаточным числом администраторов на душу населения, чтобы проводить свою политику эффективно и разумно, а с другой — не располагала таким количеством военно-стратегических ресурсов, которое позволило бы диктовать свою волю в приграничном регионе без оглядки на интересы других акторов [11, с. 86–87].

Это предопределило жесткую сцепку, связку и даже дихотомию политико-правовых и военно-политических механизмов освоения Алтая на протяжении всей первой половины XVIII в. Ресурсно-кадровый дефицит, являвшийся наряду с внешней геополитической конъюнктурой одним из двух ключевых факторов, которые определяли административную повестку, детерминировали невозможность автономного использования ни одной из групп механизмов. В результате политико-правовые инструменты, по мере усиления своей значимости

в 20–40-е гг. XVIII в., вынуждены были аккомодировать отдельные элементы военно-политических механизмов. Следствием этого становилась их гибридизация, предполагавшая интеграцию некоторых из соответствующих черт в политико-правовые каналы освоения.

Феномен гибридизации явился одной из характерных черт реализации политико-правовых механизмов. В системе пространственной модели он был связан с созданием гипертрофированных проекций пространства Верхнего Обь-Иртышья, где особое внимание уделялось районам проживания коренного и русского населения, а также военным объектам. Этот эффект усиливала государственная граница, которая как в картографическом исполнении, так и в административном дискурсе переставала быть просто линией, фиксирующей текущие пределы освоенных Российской империей территорий. Она приобретала черты социального института, обслуживавшего потребности и задачи различных звеньев административного аппарата и даже для местного населения не выступала сколько-нибудь существенным ментальным рубежом [6, с. 206].

Еще большее развитие гибридизация получила при развертывании системы управления. Ее низовые звенья получали идентичные общеимперским формальную выраженность и иерархичную соподчиненность. Однако влияние такого средневекового принципа, как «личное начало», в совокупности с пробелами в нормативно-правовой базе деятельности управленцев и непредсказуемой динамикой внешнеполитической ситуации в локальной зоне порождали эпигенетичность административных структур. Иными словами, при сохранении внешней формы, соответствовавшей другим регионам страны, управленческие институты Верхнего Обь-Иртышья получали совершенно иное, качественно отличное исполнение. Речь идет о том, что в условиях освоения административно-хозяйственная функция локальных управленцев находилась в жесткой привязке к состоянию обороноспособности укреплений, находившихся под их руководством. В Верхнем Приобье воеводы обращались к хозяйственным вопросам лишь при стабилизации ситуации в приграничном районе. В Верх-Иртышских крепостях административно-хозяйственная функция штаб-офицеров и вовсе была практически полностью нивелирована. Примечательно, что такие гибридные, эпигенетические формы оказывались не просто приемлемыми, а в чем-то даже оптимальными для протекавшего освоения. Ситуация перманентной разновекторной миграции функционального акцента (модель «губернатор — воевода — приказчики острогов и слобод» в Верхнем Приобье) или его сознательное смещение в пользу той или иной группы вопросов (военно-оборонительное администри-

рование в модели «губернатор — штаб-офицеры гарнизонных канцелярий» в Верхнем Прииртышье) позволяли рационализировать дефицитную ресурсную базу, грамотно и эффективно мобилизовать резервы для решения четко очерченного, в чем-то даже ограниченного круга вопросов. Таким образом, гибридизация и эпигенетичность в непростых реалиях освоения Верхнего Обь-Иртышья образца первой половины XVIII в. выступали факторами не амортизации эффективности системы управления, а, скорее, наоборот, условиями приспособления к ситуативной и быстро меняющейся региональной конъюнктуре [6, с. 206–207].

При этом формирование пространственной модели и складывание системы управления как политико-правовые механизмы освоения государством Алтая оказывались тесно связаны между собой. Игнорирование фактора государственной границы и абстрактно-теоретической модели пространственного восприятия территории очевидным образом снижало эффективность процесса администрирования, переводя большинство управленческих вопросов в контекст абстрактной политико-правовой среды. Иными словами, управление пространством без учета его физико-географических и политико-географических особенностей делало соответствующие решения государственных органов уже на стадии своего принятия слабо соответствовавшими ситуации в локальном районе. С другой стороны, в условиях отсутствия у имперской элиты унифицированных подходов к формированию пространственной модели и складыванию государственной границы России в Верхнем Обь-Иртышье именно различные уровни административного дискурса приобретали решающее значение. Они позволяли уточнить, конкретизировать, развить, а также хотя бы в какой-нибудь мере привязать к административной действительности подходы к определению пределов государственных рубежей. Генезис всех трех парадигм исполнения государственной границы так или иначе был связан с административным началом. Решения о составлении карт, посылке геодезических экспедиций или комплектовании общих региональных чертежей принимались, как правило, центральными, реже региональными властями. Официально-дипломатическое понимание являло собой фактически эндогенный продукт по отношению к административно-политической среде. Наконец, на локальном уровне, где в силу полигранности аспектов хозяйственной деятельности четкие контуры границы размывались, именно острог/крепость становилась, с одной стороны, фактором центрирования пространства, предопределяя радиальное восприятие окрестностей в качестве российских. С другой стороны, именно локальные управленцы выполняли роль чуть ли не единственного факто-

ра сдерживания местного населения от полной деградации пространственного восприятия государственной границы.

Вызревание эпигенетических структур в условиях агрессивной фронтальной модернизации админи-

стративно-правовой среды Алтая первой половины XVIII в. создало благоприятные условия и предпосылки для формирования и функционирования в регионе специфических ведомственных вертикалей управления во второй половине XVIII в.

Библиографический список

1. История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. — Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. — Л., 1968.
2. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. — М., 2004.
3. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. — М., 2007.
4. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / отв. ред. М.В. Шиловский. — Новосибирск, 2009.
5. Актеры российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение / отв. ред. И.В. Побережников. — Екатеринбург, 2016.
6. Бобров Д.С. Политико-правовые механизмы освоения Российским государством Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2017.
7. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск, 1990.
8. Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии в XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. — Уфа, 2007.
9. Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). — Сургут, 2011.
10. Бобров Д.С., Соболева Т.Н. Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. — 2015. — № 3. — Т. 2. DOI: 10.14258/izvasu(2015)3.2-04.
11. Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология. — М., 2005.